

* * *

Кругом друзья, кругом единоверцы,
Течёт неторопливо бытиё.
Но как мне жить? Куда девать мне сердце,
Огромное, наивное моё?

Дневник любви

Сначала дождик шёл по тротуарам,
Скользили тихо в травы облака.
Был час, когда ни слова, ни гитары,
Но всё немое, даже тополь старый,
Вдруг обретает живость языка.

И до утра над этим миром влажным,
Подхватывая шёпот тут и там,
Сплеталась речь о чём-то самом важном,
Известном только травам и цветам.

И шевельнулась зависть, словно завязь,
Когда во тьме спешащая домой,
Я поняла, от страха содрогаясь:
В мою судьбу растения вонзались,
А я того не знала. Боже мой!

* * *

Причём тут это?
Я пишу экспромты.
На этот раз стихи —
белей снегов.
И в белых строчках —
белое молчанье.
И в нём твои
впечатаны следы.
...Я помню день:
бледней, чем новолуние —
мой верный шут
смешить меня пытался.
Ему всё это плохо удавалось,
он сам себя
всё не умел постигнуть,
не то, чтобы меня,
его богиню.
Была его улыбка
искривлённой —
grimаса боли
и ни тени грима!
Он сам не знал,
что был влюблён
(случайно!)
в свою (или чужую)
королеву.

А я ему не смела
ту догадку открыть.
Меня смутила тайна,
прочтённая нечаянно
в глазах.
...Я помню день:
бледней, чем новолуние.
Я и сама
стояла изумлённо,
забыв, что я горда,
что королева,
что бледный мальчик
мною был измучен.
Стояла я, потерянная
в страхе,
заворожённая
его словами —
сильнейшего на свете
короля.
...Я помню день:
почти по Окуджаве,
король Москвы,
мой сир,
моё дыханье,
однажды рассмеялся
мне в лицо.

Мне было хуже,
чем цветку, который
был выброшен из вазы
на помойку.
Была моя улыбка
тенью плача —

grimаса боли
и ни капли грима!
Теперь я знаю:
в пору полнолуния
воздастся нам
за все чужие слёзы.

* * *

Дневник любви — дневник печали.
Но в тесной памяти моей
Давно печали отзвучали,
И вновь ликует соловей.

Ну пусть не соловей, но всё же
Журавлик счастья в небесах!
И радуется любой прохожий
Тем, что весна в его глазах.

* * *

Так давно не писалось.
О, дай мне хоть самую малость,
непонятная Муза,
капризная фея моя!
Ты жива ещё, милая?
Что в твоих песнях осталось?
Будешь ветреной? Доброй?
Иль мудрой и злой, как змея?

Ты когда-то умела
болтать обо всём без разбору,
ты будила ночами
и не отпускала меня.
Где твой ласковый плен?
Где твои золотые соборы,
чтоб забыла я всё,
чтоб не знала ни ночи, ни дня.

* * *

В стороне моей кандалной
И в скандальной стороне
Сколько вижу лиц печальных,
Глаз печальнее вдвойне.

Потемневшие до срока,
Как осенняя лоза,

Терпеливей глаз пророка
Материнские глаза.

Будто снова у окошка
Тихо тень её горит,
Где залётная гармошка
О разлуке говорит.

Врубель. Демон

под спудом печали... нелепых и грустных наитий...
усталый как полночь... ты мучился мыслью о том...
что в мире событий... тебе не хватает событий...
и тёмные призраки заполонили твой дом...
и твой непокой... словно вечер сиреневый вечен...
и блески заката над пеклом... над пеплом горят...
вселенской тоской... человеческой болью отмечен...
усталого Демона... юного Демона взгляд...

он смотрит сквозь нас... оглянись не увидишь предела...
так долог и труден к пространству прикованный взор...
сегодня другое... здоровое духом и телом...
мы мечемся всуе... неся демонический взор...
ах ныне моё поколение с горячими лбами...
не Врубелем занято... и не романсы поёт...
а делает новую жизнь... на КамАЗе и БАМе...
их там ни мороз, ни мошка, ни хандра не берёт...
за это здоровье и нам уж назначены цены...
глухой летаргический сон... над струной и строкой...
не поняты будут ни Врубель... ни Бог и ни Демон...
ни древнего тёплого вечера луч золотой...
неужто промчавшись по жизни... звездую печальной...
лишь гении знают... насколько они гениальны...

* * *

Для кого так стараешься, лето?
Разнотравьем расцветена даль,
Ароматом и солнцем согрета
Непонятная сердцу печаль.

Я спешу — к Ангаре ли, к Байкалу,
Чтоб томиться его красотой.
Где лазурь и пруток краснотала,
И берёзовый лист золотой.

Для кого так стараешься, осень?
Я и так по аллеям бреду.
Среди золота — яркая просинь
Осеньет деревья в саду.

Где прозрачно, как грань аметиста,
Расплескался громадный кристалл.
Это дорого, нежно, лучисто —
Ты меня принимаешь, Байкал...

Для кого? Если милый далёко
И гнездо покидают птенцы.
По-осеннему стынет протока
И сияют за нею гольцы...

Багрецом полыхает осина,
Ветерком освежает волна...
И прохладна, и невыносима
Одиночества злая страна.

Плач об Его уходе

«Вечерний звон» (песня)

О боль моя, ставшая заревом алым!
Во все времена уходящих корили,
Сквозь все времена, и шелестящее «Ave, Maria»!
О запах полыни и запах печали,
О горькая флейта тоски человечей!
Напев задохнулся, слова отзвучали...
О вечер!
Иконное золото в раме оконной.
На каждом листе — отраженье заката.
О музыка скорби! О стон нерешенной Загадки!
На каждой былинке кровавые блики —

Жестокий намёк, обжигающий нервы.
Зачем ты великий, зачем ты двуликий?
Неверный?!
За что мне дано это горькое право —
Остаться в гордыне, в печали звериной!
И нечего выплакать, кроме как ахе, любимый!

Притча о старом человеке

Оскудели глубокие реки. Ты и сам на пустыню похож — Взор прозрачен, опущены веки... Так скажи, отчего ты поёшь?	— Твои речи, признайся, туманны, И как старость, загадочен лик. В горе петь — это страшно и странно А когда же ты плачешь, старик?
— Вот когда занавесились звёзды И ударило горе, как медь, Эта песня явилась как воздух, Чтобы сердцу не дать почернеть,	— Слезы, слёзы, да что они значат! И без них я устал и продрог. Я не плачу — душа моя плачет И глотает солёный комок
Чтобы думы словами заполнить, Чтоб напевами душу занять — Эту песню обязан я помнить, Чтобы вовремя сыну отдать.	Оттого, что я понял: от века, Хоть какую принявши вину, Одинока душа человека, Словно камень, идущий ко дну.

* * *

По морю рыбы плывут косяком. По небу звёзды бредут босиком.	Ты ль с головой накрываешь, вода? Ты ли, мигая, мне светишь, звезда, —
Тропы земные и твёрже, и суше — Век свой иду, спотыкаясь, по суше.	В море, где рыбы стоят косяком, В небе, где ходят стада босиком?
Песню пою, бормочу ли стихи я, Манит меня и пугает стихия —	Зелень морская тонка, как слюда. Канешь в неё — пропадёшь без следа
Небо, где рыбы плывут косяком, Море, где звёзды стоят босиком.	Исповедимы ли наши пути? Сколько проплыть, пролететь и пройт
Перетекая из пены в волну, Воздух хватаю, иду в глубину.	По морю, посуху — вслед за Христом Как по лучу, босиком, босиком...